

Леонид АВКСЕНТЬЕВ*г. Петрозаводск*

*Довольство он заменит на укор.
Цвет чёрный обращает в белый цвет.
Дождь времени наводит свой узор
на пыльных стёклах пережитых лет.*

Резво было кативший «Икарус», нехотя притормозив, свернул с оживлённой трассы на полукруглую площадку районного автовокзала. Распустив складную трость, Мельников поднял с прохода дорожную сумку и двинулся к выходу. Спустившись по трём ступенькам автобуса, он сразу же попал в объятия всплакнувшей сестры. И окунулся в мир знакомых с детства запахов Олонца.

– Костик, милый, ты ничуть не изменился, – услышал он всхлипывающий шёпот Валентины. – Что же Тома-то не приехала?

– Валька, подожди, здесь что, всё ещё продают мороженое?

– Ну да, а что случилось?

– Все вопросы потом, а сейчас скорее купи мне мороженое.

Через минуту он уже держал в руках сухой, шершавый вафельный стаканчик. А во рту его таял приторно-сладкий ледяной комочек.

– Сладёной ты был, Котька, сладёной и остался, – сказала Валентина и сама с аппетитом и в то же время осторожно, чтобы не испачкать губы, откусила краешек такого же стаканчика.

– Ты ничего не понимаешь, Валька, – блаженно зажмурился Мельников, – это же вкус детства, такого мороженого, как в Олонце, больше нет нигде.

– Да оно уже совсем не такое, как было в детстве.

– Не скажи, запах у него всё тот же.

– Да что ты тут мне рассказываешь, – облизнулась сестра, – я, пока ждала твой автобус, сама две порции смолотила.

Покончив с мороженым, он сложил свою тросточку и поместил её в футляр, висевший на брючном поясе, поправил на плече ремень дорожной сумки.

– Позвольте к вам прицепиться, любезная дама, – ухватил он под руку сестру.

«САМАЯ СМОЛА» НА ПЫЛЬНОМ СТЕКЛЕ

повесть

— Ладно уж, цепляйся, пожиратель детства, — сказала она и слегка подтолкнула его своим пышным бедром. Оба весело расхохотались.

То ли от мороженого, то ли от этого смеха Мельникову стало легко и хорошо, как в далёком детстве. Когда он приезжал домой на каникулы, Валентина, ничуть не смущаясь его слепоты, брала повсюду его с собой. Она водила его и на речку, и в магазин, и в кино.

Да и все друзья её обходились с ним по-товарищески просто.

— Вот такую я тебя люблю, Валька, а то ишь, плакать надумала, — сказал он, всё ещё улыбаясь.

— Да понимаешь, когда ты вышел из автобуса, я вспомнила, как мы с мамой встречали и провожали тебя в детстве, так сырость сразу и подступила.

Они пересекли полупустую привокзальную площадь и остановились возле зелёной «Оки».

— А вот и мой лимузин, — сказала она, кладя на разогретую солнцем крышу авто руку брата.

— А я и не знал, что ты водишь машину.

— Уже десять лет без малого.

— А пересесть на что-нибудь посолиднее не хочешь?

— Да ты понимаешь, Костя, я к ней так привязалась, ведь она у меня как живая. Я с ней даже разговариваю.

— Понимаю, у меня такая же история была с первым баяном.

Асфальтная лента шоссе тянулась по просторной равнине. Слева у самого горизонта виднелась кромка хвойного леса. А справа весело посверкивала в лучах вечернего солнца извилистая река. Она то приближалась к самой дороге, то игриво кидалась от неё в сторону, как бы приглашая поиграть с ней. Упругий тёплый ветер врвался в приспущенные боковые окна, ероша волосы брата и сестры. Густо пахло скошенной травой.

— Хорошо-о-о... — выдохнул Мельников, откинувшись на спинку сиденья и поудобнее устраивая в тесном пространстве малолитражки свои длинные ноги. — Понимаешь, Валентина, не собирался я к тебе на этот юбилей. Дел накопилось, как говорится, выше крыши. В сентябре в Болгарию с оркестром на фестиваль отправляемся, репетируем, готовимся. Да и вообще, не близкий путь до тебя. А вот при-

ехал, вдохнул этот воздух и чувствую — всё правильно, приехал не зря.

— Это тебя от нашего мороженого проняло, — улыбулась сестра.

— И от него тоже, — согласно кивнул Мельников.

В последний раз порог отчего дома он переступал около тридцати лет назад. Тогда сначала отец, а спустя год и мама оставили этот мир, и Мельников приезжал хоронить их. За это время дом почти не изменился. Разве что побольше стала веранда, которую перестроил муж Валентины — Валерий. А их сын Ромка устроил на чердаке уютную комнату для себя.

Войдя в дом, Валентина сразу же засуетилась по хозяйству.

— Костя, ты пока отдохни с дороги, а я соберу поужинать. Ты уж извини, но сенокос — пора горячая, а мои мужики сейчас должны подъехать. Утром как ушли, так ещё и дома не были. Вот и с Романом нашим познакомишься, а то ведь племяннику уж тридцать скоро, а дядя его и знать не знает.

— Я тебе, Валя, не буду мешать, а пойду искупаюсь в Олонке. Выдай мне только полотенце. — Облачившись в майку и лёгкие тренировочные штаны, вышел на крыльцо.

— Подожди, Костя, я тебя провожу. У нас ведь Рома новую лестницу выстроил.

Алестница оказалась замечательной. С крепкими широкими ступенями и удобными перилами она спускалась по крутому берегу к довольно просторному плоту. Плот был сколочен из нескольких брёвен и покрыт стругаными, плотно подогнанными досками. На краю имелась даже низенькая удобная скамеечка.

— У плота, наверно, глубоко будет? — поинтересовался Костя.

— Тебе примерно по грудь. Ну, давай, Костя, я пошла, если что понадобится, крикнешь, я услышу, — сказала она уже сверху.

Мельников достал из кармана небольшой транзисторный приёмник. Нашёл станцию с незатейливой мелодией. Не спеша разделся. Подошёл к краю плота и сел на тёплые доски, опустив в ласковую прохладу воды уставшие ноги. Прислушался. Слева за поворотом реки слышались звонкие голоса купающихся мальчишек. Мельников улыбнулся, в детстве они тоже любили ку-

паться на том повороте. Посидел молча с минуту, а затем, набрав полную грудь воздуха, соскользнул с плота. «Уххх!» — вырвалось у него.

Сестра оказалась права — возле самого плота ему было по грудь. Мельников, слегка присев, оттолкнулся от илистого дна и поплыл вперёд мощным брассом. Плавать он любил и мог подолгу находиться в воде. Доплыв, по его расчетам, до середины реки, он остановился. И, громко отфыркиваясь, развернулся. Течение было слабым, и его почти не отнесло. Он сориентировался по звучащему приёмнику и поплыл к плоту.

И тут на берегу затарахтел подъехавший мотоцикл.

— Эй! Казак, ты там за буйки не заплывай, нашу рыбу не пугай! — загремел над рекой бас Валерия.

— Привет труженикам полей! — засмеялся в ответ ему Костя.

Затем он услышал, как кто-то торопливо спускается по лестнице, чьи-то босые ноги прошлёпали по плоту и почти сразу раздался лёгкий всплеск. А потом Мельников услышал, как справа от него кто-то вынырнул.

— Здравсьте, дядя Костя, я Роман!

— Здравствуй, Рома, ну наконец-то мы с тобой познакомились. А где там твой батя-фермер?

Но Роман не успел ему ничего сказать. Мельников услышал, как по плоту протопали тяжёлые шаги, а потом вечернюю тишину разорвал дикий вопль. Вслед за этим в воду рухнуло что-то большое и тяжёлое. Высоко взметнувшиеся брызги долго опали на поверхность реки. Мельникова и Романа ощутимо качнуло набежавшей волной.

— Не пугайтесь, дядя Костя, это и есть мой батя-фермер, говоря вашим образным языком.

Тут снова раздался громкий всплеск, и на поверхность, смеясь, вынырнул мощный, как кит, Валерий.

— Ну, привет, кубанский заморыш! — пророкотал он и, водрузив на плечи Мельникова свои могучие ладони, слегка притопил его. Однако Константин не растерялся и, поднырнув, сдёрнул с родственника трусы. А Роман, желая помочь дяде, надавил своей рукой на лысеющую голову отца. Но тут же и сам скрылся под водой, схваченный мстительной рукой. Сме-

ясь и дурачась, они барахтались в воде до тех пор, пока Валентина не зазвала их ужинать. Ей это удалось только с третьей попытки.

Уставшие и довольные друг другом, трое здоровых мужчин сидели за столом и с аппетитом поедали разносолы, приготовленные Валентиной. Могучий Валерий горой возвышался над сыном и гостем. Валя любовалась ими, усевшись напротив и не забывая подкладывать им в тарелки.

Нетронутыми остались на столе лишь три рюмки. Никто не обращал на них внимания.

— Костя, а ты ведь раньше, помнится, употреблял это дело, — хрустнув малосольным огурчиком, спросил Валерий.

— Было дело, но ты знаешь, вот уже двенадцать лет не принимаю совсем. И не жалею.

— И правильно, мы с Романом это дело тоже не уважаем. Да и некогда пить. Работы много.

— Дядя Костя, вы так здорово плаваете, даже не верится, что вы не видите. И как вы от самого Краснодара один добирались? Это же так трудно, я даже не могу представить.

— Да ничего трудного, Рома. Мурманским поездом до Петрозаводска, а там автобусом до Олонца. Вот если бы я ехал с пересадкой в Москве или в Питере, это было бы посложней. Да и то я уже привык, где люди помогут, а где моя подруга — тросточка выручает меня.

— А тётя Тамара почему не приехала? Ведь вдвоём и легче, и веселей.

— У неё сейчас, Рома, как и у вас, горячая пора. Она ведь у меня директор Дома культуры. А там всюю идёт ремонт, поэтому ей просто необходимо быть на месте, иначе ремонт может затянуться и до Нового года. Ведь в нашем ДК очень много народу занимается самодеятельностью. Есть и хор, и два оркестра, танцевальный и драматический коллективы, различные детские кружки.

— У вас и колхоз сохранился. Людям есть где работать и заниматься любимым делом. А у нас всё производство на ладан дышит, — вздохнула Валентина, разливая по кружкам молоко.

— Мы тут небольшую ферму молочную организовали, и то проблем, что называется, — выше крыши. С одним кредитом рассчитаемся, глядишь, опять нужно что-то отремонтировать или приобретать, — поддержал жену Валерий.

— Хорошо ещё, что сам я ветврач, Валя — агротехник, а у Романа образование механика.

Вот за счёт этого мы и держимся на плаву. У меня вообще такое ощущение, будто нас жестоко обманули и никому до этого дела нет. Это как если бы плыли мы на большом белом корабле с гордым названием — «Советский Союз». Плыли-плыли, а потом на какой-то пристани выскочили, уж больно много на ней было ларьков с товарами в красивых да ярких упаковках. И вот пока мы, радостно поскуливая, бегали от ларька к ларьку, наш корабль и уплыл. А в этих товарах ничего хорошего, кроме ярких этикеток, не оказалось. Мы обратились за помощью, и нам дали другой корабль. Вроде бы всё хорошо, да вот только корабль тот был пиратским. И команда этого корабля с удовольствием ограбила нас, а потом высадила на необитаемый остров. И вот мы как какие-нибудь Робинзоны вынуждены всё начинать с нуля.

— Да и у нас не так всё просто, как может показаться, — вздохнул Мельников. — А вы что, втроем молочную ферму содержите?

— Да нет же, — засмеялась Валентина. — У нас работают ещё два Валериных брата с семьями. Короче говоря, вся родня работает в одном фермерском хозяйстве.

— Но какое же у вас молоко чудесное, на юге такого нет.

— Это потому, что на вашем юге трава очень быстро сохнет, а наша муравушка почти всё лето сочная да свежая, — с нескрываемой гордостью заявила сестра.

— Дядя Костя, я всё смотрю, какие у вас красивые и чистые глаза. Ну ведь сейчас медицина шагнула далеко, неужели нельзя сделать операцию и вернуть вам зрение?

— Слушай, Костя, — перебил Валерий сына, — а ведь Ромка прав. Мы, конечно, не Абрамовичи, но если тебе нужны деньги на операцию, мы поможем — чем можем.

Мельников помолчал, крутя в длинных пальцах зубочистку.

— Спасибо, ребята, вы меня очень тронули. Мне такие же слова не раз говорил и наш председатель колхоза. Но дело тут не в деньгах. Смотрели меня и наши, и зарубежные светила от медицины. И никто не мог сказать, что у меня с глазами. Операцию? Но какую? Ведь диагноз-то не установлен. Так что спасибо вам за желание помочь, и давайте поговорим о

чём-нибудь другом. Ведь у Вали через два дня юбилей, а у вас столько работы, да ещё я тут приехал, вас только отвлекаю от дел.

— Вот потому и решили отметить юбилей, что работы много. Надо и отдохнуть когда-то, а тебя пригласили потому, что давно не видели. И что нельзя человеку родные места забывать. Неправильно это, — негромко и прочувствованно пророкотал своим красивым баском Валерий.

— Ну ладно, пойду немного с ребятами перед сном прогуляюсь, — поднялся из-за стола Роман.

— Только не забудь, что тебе завтра придётся утренний надой на молокозавод отвезти, — одобрительно кивнув сыну, сказал Валерий.

— Отличный у вас, ребята, сын вырос.

— А он у нас, между прочим, в тебя. Ему всё равно, что баян, что гитара. Играет на всём, — улыбнулся Валерий.

А Валентина с гордостью добавила: — Он и стихи пишет, в нашей районной газете печатается. Да и руки у него золотые. Вся техника наша на нём держится.

— Однако пора и спать. Ты с дороги устал, а нам чуть свет на работушку, — решительно поднялась Валентина.

Она постелила брату в бывшей их детской комнате. Мельников долго не мог заснуть. Он слышал, как, стараясь не шуметь, пришёл с прогулки Роман. Деревянные половицы и ступеньки лестницы, узнавая его шаги, негромко и радостно скрипнули. А потом родительский дом заснул чутким старческим сном.

И от встречи с этим домом и его обитателями Мельников который уже раз за день ощутил тихую светлую радость. Воспоминания детства нахлынули на него, и он поплыл по их волнам, постепенно погружаясь в лёгкий, но крепкий сон.

Он потерял зрение, когда ему шёл девятый год. Однажды папа отправился по делам к своему брату Павлу, который со своей женой Зоей и сыном Сашкой проживал недалеко от райцентра в деревне Окунёвке. Летние каникулы были в разгаре, и Костя упросил отца взять его с собой. Дядя Павел и тётя Зоя, будучи людьми весёлыми и гостеприимными, уговорили Костика остаться у них на недельку-другую. Их сын Сашка был на три года старше Кости, и у него был со-

вершенно замечательный велосипед — «Орлёнок». Сверкающий никелем и голубой краской, со рдеющим на заднем крыле стоп-сигналом. А ещё у него на правой стороне руля имелся прекрасный ручной тормоз с гибким витым тросиком, а слева был уютно расположен блестящий и очень мелодичный звонок. Имелось у «Орлёнка» и великолепное мягкое седло коричневой кожи, к которому была приторочена такая же коричневая сумочка. В сумочке этой хранились удобный гаечный ключ и всё необходимое для ремонта этого двухколёсного чуда техники. В те далёкие времена велосипед этот являлся пределом мечтаний многих мальчишек. Мечтал о нём и Костик. Но уж очень недёшево стоил этот железный конёк-горбунок.

Сашка, всякий раз вволю накатавшись, брал в руки мягкую тряпочку и аккуратно очищал от пыли спицы обода и саму раму. Потом он отходил в сторону и, довольно улыбаясь, любовался своим агрегатом. Иногда снисходительно похлопав Костю по плечу, он разрешал Костику посидеть на нём. И, краснея от натуги, сам придерживал его, не давая велосипеду завалиться набок. Ну а прокатиться он разрешил на этом раскрасном велосипеде Костику всего два раза. При этом сам бежал сзади, держался за багажник и кричал: «Да не гони ты так, это тебе не телега!» А потом он снова тщательным образом чистил от пыли все части велосипеда. Деревенским же мальчишкам Сашка не позволял не только прокатиться, но даже посидеть на своём сокровище.

Дни стояли тёплые, и деревенская ребятня проводила время, барахтаясь в местной речке с непонятым, но чётким названием — Мегрега. Костик тоже не вылезал из воды, но, в отличие от других ребят, он не умел плавать. Мальчишки дразнили и подсмеивались над ним за это его неумение. Но был один мальчик, который никогда не смеялся. Звали его Колей, он утешал Костю и говорил, что он ещё обязательно научится плавать. А вот Сашка плавать умел, но не купался, а под завистливые взгляды пацанов с важным видом нарезал круги вокруг деревни на своём великолепном велике.

А потом зарядили дожди. Костя заскучал, ожидая, когда за ним приедет папа. Однажды к нему зашёл Коля. У Кости с собой была привезена отличная книжка — «Незнайка в Сол-

нечном городе». И он хотел показать её другу, но книгой завладел Сашка

— Пока не дочитаю, не дам, — категорически заявил он.

— Шёл бы ты лучше да на велике погонял, — предложил ему Костя.

— По дождю на велике, чтобы он потом заржавел? — возмутился двоюродный брат.

Костя с Колей от нечего делать слонялись по дому. А дом у дяди Павла был большой, как почти все деревенские дома на севере. На первом этаже были расположены кухня с огромной русской печью, чулан и хлев. А на втором этаже находились жилые комнаты и огромный сеновал. Северной суровой зимой с её морозами и метелями люди могли заниматься хозяйственными работами, не покидая помещения. Так объяснял папа Кости особенности этих крестьянских северных домов.

Неожиданно мальчишки оказались перед лестницей, ведущей на чердак.

— Пойдём? — почему-то шёпотом предложил Коля.

— Пойдём, — тоже шёпотом согласился Костя. На чердаке царили полумрак и беспорядок. В углу валялись какие-то сломанные стулья, коробки, помятый самовар и здоровенные стоптанные сапоги. Возле небольшого оконца стоял старинный сундук. Мальчишки, усевшись на резную крышку, принялись смотреть в окно. Дождь всюду барабанил по крыше.

— А давай играть в подпольщиков, — опять же шёпотом предложил Коля.

— Давай, — обрадовался Костя.

Надо сказать, что в те далёкие теперь уже времена все мальчишки любили играть в войну, в партизан и подпольщиков.

— А ты знаешь, что во время войны в нашей деревне скрывалась подпольщица Настя?

— Нет, а где она скрывалась?

— Да вот же, рядом, ну где обгорелые брёвна валяются. Там раньше дом стоял, так вот в нём на чердаке и скрывалась Настя.

— Она убивала врагов?

— Нет. Она считала вражеские машины, которые шли на фронт вон по той дороге. А потом по радиации передавала сведения нашей авиации. Враги выследили её и расстреляли.

Костя слушал рассказ товарища затаив дыха-

ние. В пыльное стекло окошка билась и громко жужжала большая муха. На улице за пеленой дождя виднелась река, а за ней вдоль берега тянулось шоссе. Жирно блестел мокрый асфальт, по которому резво катились машины. В центре этого запылённого стекла чернела вытянутая капля смолы. Она находилась как раз на уровне дороги. По своей форме эта капля походила на мушку Костиного детского автомата, который остался у него дома. А сейчас он мог бы здорово пригодиться для игры в подпольщиков. По мокрой дороге тяжело двигалась огромная фура. Костя чуть наклонил голову, и капля смолы оказалась на уровне кабины фуры.

– Та-та-та, – произнёс Костя, представляя себе, что он стреляет по вражеской машине из пулемёта.

Коля моментально сообразил, что от него требуется, и с ходу включился в игру.

– Справа вражеский трактор! Огонь! – закричал он и уже сам, сжав в кулачках воображаемые гашетки, пригнув вихрастую белобрысую голову, застрочил языком: – Та-та-та-та...

Игра понравилась мальчишкам. Они полдня просидели на этом замечательном чердаке, «уничтожая» «вражескую» технику.

А потом Коля предложил: – Пойдём искупнёмся, я тебя научу плавать.

– Сегодня, наверно, вода холодная, вон какой дождь, – нерешительно взглянул на друга Костя.

– Ерунда! Мы же подпольщики, давай будем закаляться.

– Давай!

И они пошли на реку, несмотря на дождь. На берегу не было ни души. Раздевшись, мальчики кинулись в воду. К удивлению Костика, он вдруг поплыл сам, без помощи друга. И не важно, что при этом его голова торчала над поверхностью реки, как подсолнух над плетнём. А руки и ноги отчаянно молотили по воде, он плыл, плыл сам. И хотя вода стала заметно прохладнее, но радости Кости не было предела. Ему казалось, что если он выйдет на берег, то сразу и разучится плавать. Но тут появилась Колина мама и позвала его обедать. Костя натянул промокшие от дождя рубашку и штаны и тоже побежал домой. Коля в тот день больше не появлялся, а Костик до самого вечера то играл на чердаке, то, замирая от восторга и речной прохлады, плавал под морозящим

дождём. А Сашке до него не было дела, он целый день провалялся с книжкой на диване.

Вечером пришли с работы тётя Зоя и дядя Павел. Узнав от Сашки, что Костя за весь день не притронулся к еде, тётя Зоя расстроилась и отчитала его. А ему совсем не хотелось есть. Нехотя выпив стакан молока, он подсел на диван к Сашке и через его плечо попытался перечитывать любимого «Незнайку». Но строчки и буквы почему-то кривились и расплывались. К ночи у Кости начался жар.

Дальнейшее он помнил плохо. Из тумана вдруг проступали лица мамы или папы. Потом туман стал сгущаться, и в нём Костя с трудом узнавал тётю Зою, дядю Павла. Мелькали незнакомые люди в белых халатах. Однажды он увидел плачущую сестрёнку Вальку.

– Почему она плачет? – вяло подумал он.

А потом на смену туману пришла пугающая темнота.

– Костя, ты давай поправляйся, я тебе свой велик подарю, – услышал он однажды голос Сашки.

Почти полгода провалялся Костя в больнице. Он переболел крупозным воспалением лёгких, потом врачи заподозрили у него менингит, но это оказалась корь. Коварные болезни не прошли без тяжёлого осложнения. Костя потерял зрение.

Он очень похудел и ослаб, но его живой характер остался прежним. И мальчик начал быстро привыкать к своему новому положению. И уже на следующий год папа отвёз его в специальную школу для таких же, как он, мальчиков и девочек. Вот там-то и обнаружили у Кости музыкальные способности, и он с удовольствием стал учиться ещё и в музыкальной школе по классу баяна. Приезжая домой на каникулы, он всякий раз привозил сестрёнке Вале новые дворовые песни. Поскольку в школе для слепых учились дети со всего Северо-Запада, то в песнях этих недостатка не было. Сестра самоабвенно исполняла эти нехитрые песенки, а он подыгрывал ей на папином баяне и вдохновенно подпевал. Их на редкость симпатичный семейный дуэт пользовался большим успехом у поселковой молодёжи. Окончив школу, Константин захотел учиться дальше и довольно легко поступил в Курское музыкальное училище, всё

по тому же классу баяна. Надо сказать, что благодаря своему абсолютному слуху он к тому времени уже освоил гитару и фортепьяно. Да и прочие музыкальные инструменты отдавались его рукам легко и с удовольствием.

По окончании училища Костя Мельников отправился на благословенный юг. В славный город Геленджик, где в одном из его многочисленных санаториев два года вкушал хлеб музыкального работника. И хотя денег ему платили немного, но у него была своя комната и трёхразовое питание. Целыми днями он валялся на санаторском пляже и купался в море. А тёплыми южными вечерами разворачивал меха своего тульского баяна, на манящие звуки которого собирались любители попеть и потанцевать. Поначалу такая жизнь вполне устраивала его. Но со временем приелась и стала надоедать. Хотелось чего-то большего, а чего именно — он и сам себе не мог объяснить.

Однажды на отдых в санаторий приехала бойкая и звонкоголосая казачка — Тамара. Зная великое множество весёлых и задумчивых украинских и казачьих песен, Тамара работала хударком Дома культуры одного из лучших колхозов Краснодарского края. Работу свою она любила и с удовольствием принялась помогать Константину проводить вечера отдыха. Днём они встречались на пляже и, купаясь, загорая, заодно обсуждали программу выступления на вечер. Вскоре их повсюду можно было видеть вдвоём. Как-то раз вечером она забежала к нему, чтобы переписать слова понравившейся песни, да так и осталась до утра.

Но вот срок Тамариной путёвки закончился. Прощание их было нелёгким. После отъезда Тамары Костя не находил себе места. Он подарил ей брайлевский прибор для письма и азбуку Брайля. И вскоре стал получать от неё тёплые и нежные письма. При первой же возможности Тамара приезжала навестить его. Оба были счастливы в эти дни.

Однажды зимой она приехала с радостным известием, что у них в Доме культуры имеется вакансия на место руководителя оркестра народных инструментов. А Косте уже давно хотелось чего-то нового, и он не раздумывая уехал из санатория.

Новая работа увлекла Мельникова. Прошло

совсем немного времени, и оркестр стал известным и популярным в крае. Молодого музыканта уважали и ценили в колхозе. Они с Тамарой были счастливы. Была любовь, была любимая работа. Спустя год Костя и Тамара поженились. На их свадьбу приезжали Костины родители и его сестра Валя.

А сейчас он лежал на кровати в комнате, в которой прошло его детство. Воспоминания наплывали на него и путались с обрывками снов.

Проснулся Мельников рано. На кухне вполголоса переговаривались хозяева.

— Ты чего? — удивилась Валентина, заведя появившегося в проёме дверей брата.

— Иди отдыхай, нам работать, а ты поспи ещё. Я потом приеду и покормлю тебя обедом.

— Ну уж нет, — решительно заявил Костя. — Я поеду с вами, может, в чём и помогу.

— Во, здорово! Дядя Костя, поехали со мной на молокозавод утренний надой сдавать.

— Поехали! — согласился Мельников.

И, наскоро позавтракав, они дружно отправились по делам.

На ферме у него было ещё несколько радостных встреч с братьями Валерия и их семьями. Все они, как и говорила вчера Валентина, работали здесь. И все они были его друзьями детства. И, сидя в кабине молоковоза, рядом с Романом, Мельников который раз подумал, что нет, не зря он приехал.

— Чему вы улыбаетесь, дядя Костя? — спросил Роман, выводя машину с территории фермы на шоссе.

— А я и не чувствую, что улыбаюсь. Наверное, мне просто очень хорошо, Рома.

— Я тоже, когда в армии служил, помню, что очень скучал по родным местам. Мне они даже снились, и река, и лес, и озеро.

— А я, Рома, когда по телевизору слушал передачу о нашем районе, то всем знакомым потом рассказывал, что это ведь у нас «Гусиная столица», и игры Дедов Морозов тоже у нас. Да и Божий путь тоже от нас начинается.

— А что это за путь такой, дядя Костя?

— А ты что, никогда не слышал о нём? И мама никогда не рассказывала?

— Да нет, ничего подобного мне мама не говорила.

— Так вот, когда мы с твоей мамой были маленькими, наша бабушка, бывало, говаривала, что если из Олонца идти строго на полдень, так в старину называли юг, то напрямик выйдешь к Александро-Свирскому монастырю. А уже от него, идя опять же на полдень, придёшь аккуратно на Киево-Печерскую лавру. А ежели и дальше будешь держаться стороны полднейной, окажешься пред Святою горой Моисеевой.

— Дядя Костя, это что, на самом деле так?

— Я думаю, да. Бабушка наша была набожная и такими вещами не шутила.

— Интересно! Я об этом впервые слышу. Хоть сейчас об Олонце у нас много говорят и пишут о его роли в развитии России. Город-крепость. Один из лучших форпостов на Севере России. Оказывается, олончане были отважными воинами. Даже в Севастополе есть улица Олонецкого полка. Били шведов на Севере, дрались с французами на Бородинском поле. Короче говоря, неплохо постояли за честь России.

— Вот мы и приехали. Вы посидите, дядя Костя, а я быстро управлюсь.

Он действительно быстро покончил с делами, и спустя полчаса освобождённый от молока и намытый молоковоз двинулся в обратный путь.

— А вот и маманя куда-то пылит, — углядел Роман катящуюся им навстречу знакомую «Оку» и мигнул ей фарами.

Машины остановились. Валентина подошла к их кабине.

— Всё нормально, сынок? Молоко сдали и цистерну намьбли?

— Ну да, мам, как всегда, а что случилось-то? — удивился Роман.

— Да, понимаешь, позвонили из санэпидстанции, просили приехать. Дай мне на всякий случай все накладные, могут пригодиться.

— Ну как ты там, братик? — взяв документы у сына, обратилась она к Мельникову.

— Всё нормально, Валя, племянник просвещает меня по истории родного края.

— А как насчёт олонецкого мороженого? — лукаво улыбнулась сестра.

— Это было бы здорово, по такой-то жаре.

— Ну тогда перебирайся ко мне, я разберусь с нашими бюрократами, а потом и мороженого полопаем.

И Мельников без лишних слов перебрался в

«Оку». После бурного разговора с «эсэсовцами» — так Валентина назвала работников санэпидстанции, она долго не могла успокоиться. И пока они ехали до ближайшего павильона с мороженым, она гневно стучала кулаком по «баранке».

— Понимаешь, у нас на словах все помогают фермерам, а на деле всем надо отстёгивать. Тут и налоговики с протянутой рукой, пожарные штрафом грозятся, а теперь вот и санэпидстанция. И ведь всё сами проверяли, и документы в порядке. А молоковоз этот и вовсе не наш. Мы его только арендуем. Ромка его из дерьма сделал. И двигатель перебрал, и колёса новые поставил, и выкрасил. А так он у них ржавел на заднем дворе.

Она успокоилась, только купив мороженого. Мельников понимал сестру, сладкое и на него самого всегда действовало успокаивающе.

— Слушай, Валя, а что теперь с домом нашего дяди Павла? — решил он её отвлечь от этой неприятности.

— Да ничего. Когда не стало дяди Павла с тётей Зоей, Сашка быстро спился. Он ведь разбился на мотоцикле тоже по пьянке. Дом перешёл в ведение сельсовета. А потом его купили какие-то дачники из Питера.

— Неправильно это, его ведь наш дед строил.

— Да, конечно, неправильно, но разбираться с этим не хочется, да и времени нет на это. А потом, ведь Сашка запустил дом, а новые хозяева, говорят, всё привели в полный порядок. Слушай, а ведь если хочешь, мы можем съездить и навестить этот дом. Всё-таки ведь наш же дед его строил, только посмотрим и всё.

— Да я не против. Ведь я в нём, после того как ослеп, и не был больше ни разу.

Навстречу им из дома вышла женщина неопределённого возраста с короткой стрижкой. Выслушав их, она предложила им зайти.

— Попьём чайку, я пирожков напекла, а вы мне всё расскажете, — радушно улыбнулась она.

— Ой! — невольно вырвалось у Валентины, когда они вошли в комнату на первом этаже. — Вы даже мебель сохранили.

— Да, — улыбнулась Надежда Максимовна, так звали новую хозяйку. — Муж у меня краснодеревщик, он и подреставрировал и эти венские стулья, и стол с буфетом.

— И самовар тети Зои, — всплеснула руками

Валентина, глядя на сияющий начищенными боками старинный медный самовар.

— Наш дядя говаривал, что и женился он на тётке Зое потому, что у неё был самый красивый в деревне самовар. А дядя был страстный чаёвник — мог за вечер самовар осушить, — смеясь, вспомнил своего весёлого дядюшку Мельников.

— Да, но чай из него и на самом деле очень вкусный, — тоже смеясь, согласилась Надежда Максимовна.

Вскоре они уже разговаривали как старые добрые друзья. Гости с удовольствием пили чай и поедали пирожки с капустой.

— Вы ешьте, Костя, ешьте, — приговаривала Надежда Максимовна, — а то нам с внуком эту гору ни за что не осилить. У меня такая привычка, наготовлю всегда как на Маланьину свадьбу, а кушать некому.

Надежда Максимовна рассказала своим нечаянным гостям, что она врач, но уже год как на пенсии. И всё лето живёт здесь с внуком. А в ближайшие выходные приезжает её муж, который ещё работает.

Скрипнула дверь, и на пороге появился белобрый, с живыми серыми глазами мальчик. Поздоровавшись, он вопросительно взглянул на незнакомцев. Узнав, что эти люди родственники бывших хозяев, он тоже попросил у бабушки чаю. Надежда Максимовна отправила его мыть руки. Никита, так звали мальчика, вышел, но не успела бабушка налить ему в чашку заварку, как он появился, демонстративно держа перед собой открытые ладошки.

— Ты хоть намочить-то их успел? — нарочито строго спросила Надежда Максимовна.

— Обижает, бабуля, — огорчённо вздохнул внук, но по его хитрющим глазам было видно, что в лучшем случае он только и успел их намочить.

Надежда Максимовна как врач заинтересовалась судьбой Мельникова. И он обстоятельно отвечал на её вопросы.

— А вы что, слепой? — удивлённо возрился на него Никита.

— Да, — коротко ответил уже привыкший к такого рода вопросам Мельников.

— Во! Здорово! — восхитился мальчишка, — а как вы ходите?

— Да в основном ногами, — улыбнулся Константин.

— Никита! Как тебе не стыдно! — возмутилась бабушка. — Я сегодня позвоню твоим родителям и расскажу, что ты не умеешь себя вести, а вдобавок не моешь руки.

— Ну что вы, Надежда Максимовна. Всё нормально, дети часто задают мне подобные вопросы, — поспешил успокоить её Константин.

— Никита, а чем ты здесь занимаешься? В какие игры играешь? — сразу же обратился он к мальчику.

— Купаемся и ловим рыбу с мальчишками. Бабушка не разрешает мне сидеть больше часа за компьютером, а тут больше заняться и нечем. Но мне всё равно очень нравится здесь.

— А ты не проводишь меня на речку? — опять обратился к нему Мельников.

— Пойдёмте! — с готовностью соскочил со стула мальчик.

Мельников положил на его плечо руку, и, оставив беседующих за чаем женщин, они вышли на улицу. Но дойти до реки им было не суждено. Налетел порыв ветра, и в небе гулко загрохотал гром. Пришлось поспешно возвращаться. Едва они заскочили в просторные сени, как следом за ними по крыше дома застучали первые капли. А минутой спустя проливной дождь стеной обрушился на землю.

— Ну вот, теперь меня бабушка из дома не выпустит, пока погода не наладится.

— Не переживай, я думаю, что эта гроза ненадолго. А под дождём гулять ни к чему, это уж я по себе знаю.

И тут вдруг Мельников оживился.

— Слушай, Никита, а вы в подпольщиков с ребятами играете?

— Не-е-е, а как это?

— Давай залезем на чердак, и я тебе всё там объясню, — шёпотом предложил Мельников.

— Давайте! — восторженно прошептал обрадованный мальчик.

На чердаке было душно и пыльно. От бьющего по крыше дождя здесь стоял сплошной гул.

— Пошли к окну, — уже громко сказал Мельников, чтобы одолеть этот гул. — Раньше тут стоял старинный сундук.

— Вот этот? — сказал Никита, кладя руку Мельникова на знакомую резную крышку.

— Не может быть, — поразился Константин.
Но сундук действительно был тот же самый, только он стоял чуть в стороне от окна. Они придвинули его к самому окошку и уселись на нём. Дождь вовсю барабанил по крыше.

— Там, за окном, на том берегу реки есть дорога.

— Да, есть, мы по ней из Питера приехали.

— Так вот, когда была война, по этой дороге двигалась вражеская техника. А вон там, у моста, стоял дом, и в нём на чердаке пряталась подпольщица Настя.

— Она, наверно, стреляла по ним?

— Нет, она считала машины врага и потом по радиации передавала всё нашему командованию. Враги выследили её и расстреляли. Так вот, мы в детстве играли в подпольщиков, но мы не считали машины, а представляли, что стреляем по ним из пулемёта.

— Здорово! — восхищённо крикнул Никита, стараясь перекричать шум дождя. — Дядя Костя, а здесь даже мушка есть.

— Какая мушка? — быстро спросил Мельников.

— Ну такая вот, знаете, капля смолы, она как раз находится по центру окна.

Мельников потрясённо молчал. Дождь неожиданно стих, и Константин явственно услы-

шал, как бьётся о стекло и отчаянно жужжит напуганная ими муха.

«Всё как тогда», — подумал он.

— Справа вражеский автобус! Огонь!!! — громко скомандовал Никита. — Та-та-та-та-та! — застрекотал он своим языком.

И вдруг яркий свет ударил по глазам Мельникова. Он сразу же зажмурился, настолько свет этот был ярк и жгуч. Глаза его наполнились слезами, но, перед тем как зажмуриться, он ясно увидел и мост через реку, и дорогу с катящимся по ней автобусом. А ещё он успел заметить чёрную каплю смолы на пыльном чердачном стекле и склонившуюся к ней нестриженую белобрысую макушку Никиты. Мельников отвернулся от окна и слегка приоткрыл глаза. Слезы потоком потекли по его щекам, но даже сквозь их расплывчатый фокус он увидел обтянутые синими джинсами свои колени. Увидел щели между растрескавшимися половицами и носки своих кроссовок на них.

— Та-та-та-та-та! — всё стрекотал за его спиной развоевавшийся Никита.

— Дядя Костя, какая классная мушка эта капля смолы.

□

Леонид АВКСЕНТЬЕВ

родился в пос. Ильинский (Олонецкий р-н) в 1951 г.

С 1968 г. проживает в Петрозаводске.

Автор двух поэтических сборников:

«Солнечная река» (2002)

и «Трансплантация души» (2006).

Лауреат премии «Филантроп» (2004) в номинации «Поэзия».

Победитель конкурса новелл стран Баренц-региона (2008).

